

* * *

Моя Родина – просто вот этот домишко,
Где на солнышке греется плюшевый Мишка.
Моя Родина – небо над двориком нашим,
Где мы с мамой парящему облаку машем.
Это улочка, что на задворках вокзала,
Тракт Московский берёт с этих башен начало.
Это площадь Центральная с майским парадом,
Град Тюмень, я горжусь этим солнечным Градом.
Нивы, пашни, тайга, и просторы, и шири,
Моя Родина – это богатства Сибири.
То снега выше крыши, то ливни косые,
Моя Родина – крепкая наша Россия.
Моя Родина – Трезвость, семья и друзья,
Моя Родина – просто планета Земля.

* * *

Небеса засосало болото –
Крики птиц глубоки и низки,
Но рисует невидимый кто-то
На продрогшем тумане мостки.

И в багрово-кипящем закате,
По воде с ледящим лицом
Жерди, слани, упругие гати
Он выводит волшебным резцом.

И – тропа! Под рукой живописца –
Отступают трясины и мхи,
И дорога в подошвы стучится,
И в кустах шебаршатся стихи.

Где волнами, а где валунами
Стёжки топкие вымостит он.

И идёт по тропе вместе с нами –
Верхотурский Святой Симеон.

ТОБОЛЬСК, КРЕМЛЬ, ШРУБУ

В детстве это письмо, словно небо – размашисто, смело
Написалось само и по свету само полетело.
Ведь куда и кому не сказал я ему, слава Богу
Так-то проще письму отыскать и друзей, и дорогу.

И оставить меня, ох уж эти проделки свободы –
Полистать времена и эпохи. Секунды и годы.
Снова вспыхнул восход – в канделябрах ожили огарки.
А письмо всё идёт, хоть на нём уже выцвели марки.

Истрепалось оно, но по-прежнему славно чудило
И забыло давно, что с него разбежались чернила.
Далеко, тяжело. Где болело – то мёрзло, то мокло,
Но однажды дошло – блеклый сумрак, побитые стёкла.

Как осунулся храм, пол прогнил, потолки отсырели,
Та же пыль между рам, та же склянка и ветка сирени.
Горячей, чем в огне, отголоски Рождественской вьюги.
Пробудился во мне человек в серебристой кольчуге.

В ТИРЕ

Разговорчивый, радостный, славный – не злой,
Завсегда подбодрит, если кто-то не в духе,
Дед полы подметает железной метлой
И из валенок щиплет свинцовые плюхи.

Я сюда прихожу, а сюда уже нет,
У бордюрины скрючилась корочка хлеба,
Только крыша оставила в облаке след
Да вон лампочка вкручена в самое небо.

Тирщик, тирщик, да где тебя носит – Ау
Уж винтовки как псы на цепях присмирели
И галдит вороньё – уж не их ли зову,
В серой ветоши крон никакой акварели.

Только прошлое всё же дохнёт горячо,
Брызнет лихо румянца в лицо, не жалея.
И затвора щелчок, и отдача в плечо,
И закончится тир, как вот эта аллея.

И развяжутся улиц тугие узлы,
Ведь давно уже в пыль истрепались мишени,
И никак не понять вечно юной Тюмени,
Кто в ней ищет следы от железной метлы.